

Ю. В. Маслова

Лубок «Разговор между профессором и крестьянином» – образ двух типов культуры

Рассматривается лубок «Разговор между профессором и крестьянином» как образ двух типов культур – традиционной, имеющей древнерусские корни, и инновационной, заимствованной у западноевропейского мира. Данный лубок является иллюстрацией теории бинарности русской культуры. Дается визуальный и текстологический анализ народной картинки. Текст лубка в виде вопросов-ответов имеет полемический характер. На основании того, что для старообрядческой культуры лубок стал инструментом наглядной полемики и назиданием в вере, впервые выдвигается гипотеза о старообрядческом происхождении лубка. Возможным источником текста, подвергнутого старообрядческой сатире, стало сочинение В. Н. Татищева «Разговор о пользе наук и училищ».

Ключевые слова: лубок, старообрядчество, полемика, диспут, народная культура, бинарность культуры

Julia V. Maslova

Lubok “Conversation between a professor and a peasant” as an image of two types of culture

The author considers the lubok «Conversation between a professor and a peasant» as an image of two types of cultures – traditional, with ancient Russian roots, and innovative, borrowed from the Western European world. This lubok is an illustration of the theory of the binary nature of Russian culture. The article provides a visual and textual analysis of the folk image. The text of the lubok in the form of questions and answers has a polemical character. Because for the Old Believer culture the lubok has become an instrument of visual polemics and edification in faith, the author for the first time puts forward a hypothesis about the Old Believer origin of the lubok. A source of the text that was subjected to Old Believer satire was V. N. Tatishchev's essay «A Conversation about the benefits of sciences and colleges».

Keywords: lubok, Old Believers, polemic, dispute, folk culture, binary culture

DOI 10.30725/2619-0303-2023-3-62-66

Типологической особенностью русской культуры является ее бинарность [1, 2]. Особенно ярко это свойство проявляется в переломные моменты русской истории. Как считают представители тартуско-московской семиотической школы Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский и В. И. Кондаков, русская культура дважды испытывала резкий переворот – во время крещения Руси и петровских реформ. Сквозная дихотомия русской культуры ярко проявилась в церковном расколе XVII в. Века, ставшего для России «последним щитом Средневековья» [3, с. 407], переходным временем от средневековой христианской культуры к культуре секуляризованной, заменившей «выпавшие» христианские ценности и парадигмы западноевропейской наукой и искусством.

Противостояние официальной и оппозиционной культуры отразилось в самых разных областях: иконописи, архитектуре, музыке, жилище, одежде. Кратко охарактеризовать различия между «старым» и

«новым» в культуре можно словом «обмирщение» – это коллизия мирского и церковного, умаление религиозных и увеличение светских элементов. В письменных источниках противостояние зафиксировано в виде религиозной полемики XVII и последующих веков между господствующей церковью и старообрядцами. Основы этой полемики были заложены вождем старой веры протопопом Аввакумом. Отголоски его сочинений можно найти в религиозной полемике старообрядцев вплоть до нашего времени.

Отношение народных масс к происходящим переменам в культуре XVII–XIX вв. отражено в бытовании и широком распространении русской народной картинки – лубке, имевшем более раннее название «потешные листы». Первые известные нам лубки появились на культурном переломе в середине XVII в. Лубочные картинки имели самое широкое распространение: в монастырях, царских палатах, крестьянской

избе. Известно, что у патриарха Никона, идейного противника протопопа Аввакума, в палатах находилось 270 лубков. Для старообрядцев, представляющих часть русского народа, лубок стал инструментом наглядной полемики и назиданием в вере [4]. Изображения и тексты лубочной картинки, созданной старообрядцами, несли богословскую и нравоучительную функцию. Наряду с этим, изобразительные приемы лубка позволяли представить происходящие события в государстве, эпизоды истории и отдельные личности в сатирической форме. По замечанию Д. С. Лихачева, «смеховой мир» противостоит культуре, но не любой, а осмеиваемой, подготавливая фундамент для более справедливой культуры [5, с. 4]. Сохраняя приверженность старой вере, ее последователи явились защитниками древнерусской культуры, формируя свою, самобытную культуру, параллельную официальной. Может быть, именно поэтому лубок стал одним из значимых компонентов старообрядческой культуры в целом.

Лубок «Разговор между профессором и крестьянином» хранится в нескольких учреждениях. В собрании Российской национальной библиотеки он происходит из собрания русских народных картинок М. П. Погодина (XIX в.) и отнесен к книжным памятникам (№ 29132). Композиция этого лубка состоит из пяти частей: в центре расположен глобус; слева стоит дама в декольтированном платье с ребенком; справа стоит мужчина с бородой; женщина с ребенком. В Пермской государственной художественной галерее находятся два лубка с одноименным названием: аналогичный лубку из собрания М. П. Погодина (XVIII в., ГК № 28263299) и лубок с несколько упрощенной, трехчастной композицией (XIX в., ГК № 18802200). На последнем около стола с глобусом, книгами и другими предметами изображены разговаривающие профессор (справа) и крестьянин (слева). На основании визуального и текстологического анализа лубка «Разговор между профессором и крестьянином» пятичастной композиции, автором статьи выдвигается гипотеза о старообрядческом происхождении данного лубка.

Подробнее опишем изображение, занимающее верхнюю треть лубочного листа. Мы видим палаты, выполненные в иконописной манере. Слева в отдельных палатах расположена семья профессора, справа –

семья крестьянина. В центральной части палат изображен стол. На нем стоит глобус неба, закрепленный на подставке, и лежат книги. По обе стороны от глобуса стоят профессор и крестьянин. Над их головами простирается велум – чисто иконописный прием, указывающий на то, что действие происходит внутри здания, обрамленного двумя входами с крыльцами. Характерен внешний облик участников диспута: традиционный русский долгополый кафтан крестьянина с длинной бородой, закрытое платье и покрытая голова его жены и, напротив, «немецкие» камзол, кафтан и юлоте профессор, платье с обнаженными руками и грудью его супруги. Внешний вид профессора и крестьянина адресует нас к указу Петра I «О ношении немецкого платья, о бритьи бород и усов, о хождении раскольникам в указанном для них одеянии», изданному в августе 1698 г. Дискриминация старообрядцев в петровское время выражалась не только в религиозном и экономическом давлении, но и в попытке регламентировать внешний вид староверов, против чего они, естественно, восставали. На лубке наглядно показано, как в переломную эпоху петровских реформ меняются эстетические представления о видимой красоте. «Доброта» лица и тела для человека с традиционным средневековым сознанием не так важны, как красота духовная, где украшением являются благочестие и целомудрие. Отсюда максимально закрытые одежды части тела крестьянина и его супруги. Ношение бороды для мужчин старообрядцев – непререкаемое христианское правило, уподобление образу Божию. Иной взгляд у человека с секуляризованным сознанием: для него видимая красота тела и одежды становятся самодовлеющим фактором эстетического восприятия. Таким образом, на лубочной картине семейство профессора олицетворяет светскую культуру Нового времени, а крестьянина – народную (крестьянскую) культуру, носителем и хранителем которой стало старообрядчество.

Обратимся к текстовой части лубка. Две трети лубочного листа занимают 34 вопроса профессора и ответа крестьянина. Мы не должны удивляться значительному объему текста, превышающего размер изображения, так как лубочные картинки были приняты не только рассматривать «всем миром», но читать вслух и толковать. На это и был рассчитан «Разговор между профессором и крестьянином» – пример миро-

воззренческого диспута, противостояния древнерусской и петровской культуры. Он начинается с пяти сюжетов Ветхого Завета: об Адаме и Еве («Кто, не родясь, умер?»), о жене Лота («Кто, живота лишась, не гнил или кто, родясь, не умирал?»), об Авеле («Кто кричал, не имея языка? Ответ: Кровь Авеля, убиенного братом своим Каином»), о Ноевом ковчеге («Где осел кричал так громко, что его голос весь свет слышал?») и Лазаре («Кто однажды рожден, а дважды умирал?»). В самом начале разговора происходит интеллектуальная «разминка» говорящих, когда на вопросы-загадки профессора крестьянин должен дать ответ-отгадку. Иносказательная форма изложения вопросов отсылает читателя лубочного текста к Евангелию, когда Христос говорил народу притчами. Крестьянин своими ответами доказывает владение иносказательным языком и осведомленность в Писании.

Далее разговор переходит к «женскому вопросу». Слова «о добрых и злых женах» встречаются в мирских «четьих» книгах уже с XI в. Разговор профессора с крестьянином о женщинах является отголоском и продолжением древнерусских текстов, содержащихся в Златоструе, Прологе, Измарагде и т. д. Профессор: «Какая вода обманчива?» Крестьянин: «Женские слезы». Профессор: «Сколько дней приятных с женою?» Крестьянин: «Два, первой, как браком сочетается, а другой, когда мертвую со двора понесут». Следующие три вопроса профессора отклоняются от «женской темы», а затем крестьянину задается прямой вопрос: «Что есть жена?». Ответ написан на листе без знаков препинания, отчего несколько затемняется смысл: «Жена есть нужное зло для размножения рода человеческого для утехи скорби сладости горести покоя злости и всего что есть хорошее и худое». Если принять гипотезу о старообрядческом происхождении лубка, то «женский вопрос» имеет прямое отношение к разделению старообрядцев-беспоповцев на брачников и безбрачников (отрицающих брак). Драматизм разделения и полемики заключается в том, что брак – церковное таинство, совершать которое должен священник. Беспоповцы же, в силу отказа от священства, по каноническим правилам лишались возможности вступать в брак. Poleмика о браке между двумя идейными направлениями беспоповства длилась практически до XX в. Ответ крестьянина, что «жена есть нужное

зло для размножения рода» – вероятнее всего, может быть ответом беспоповца, приемлющего брак.

Затем идет ряд этических (совесть, дружба, слава, сребролюбие и т. д.) и социально-бытовых вопросов, на которые даются ответы в духе древнерусской учености. На вопрос профессора «кто худо управляет языком?» крестьянин отвечает: «Дурак во время разговоров, а разумной во время молчания». Профессор: «Что с трудом растет, а с покоем умалется?» Крестьянин: «Слава и честь, когда человек упокоится сном смертным». В конце разговора, как бы подводя итог, профессор спрашивает: «Когда вымысли разные начались?» Ответ: «Когда умные дураками сделались». Сатирический пафос лубочного текста заканчивается прямым вопросом и однозначным ответом. Профессор: «Каким бы титулом таких людей наименовать?» Крестьянин: «Профессорами».

Ответ крестьянина, назвавшего профессоров «дураками», – квинтэссенция взгляда протопопы Аввакума на «внешнюю» ученость: «Аз есмь ни ритор, ни философ... простец человек и зело исполнен неведения» [6, с. 264]. Называя себя простецом, протопоп Аввакум, человек вполне образованный и начитанный для своего времени, намеренно принижает свои умственные способности, выказывая христианское смирение. Противопоставление духовной и мирской науки, сакрального и профанного знания – одна из стержневых дихотомий русской культуры. В XVII в. не употреблялся термин «профессор» как идентификатор ученого. Впервые звание профессора в России появилось в 1724 г., когда был учрежден Академический университет в Санкт-Петербурге как часть Петербургской Академии наук. Примечательно, что старообрядцам запрещалось учиться в государственных учебных заведениях. Это закономерно вылилось в домашнее образование, базировавшееся на изучении Псалтыри и Часослова, и на создание собственных школ, таких как Выго-Лексинское общежитие, дававшее богословское образование и ставшее, по сути, старообрядческой Академией, из стен которой вышли знаменитые «Поморские ответы» (1723 г.).

Полемическая заостренность текста лубочной картинке заставляет нас искать возможные источники вдохновения для его безымянного автора. В русской литерату-

ре XVIII в. мы находим сочинение Василия Никитича Татищева «Разговор о пользе наук и училищ», написанное им в 1733 г. и впервые опубликованное в Петербурге в 1787 г. Наряду с печатным изданием известны рукописи. Одна из них принадлежала Н. С. Тихонравову и датируется 1749 г., т. е. написана еще при жизни Татищева [7, с. V]. Другая рукопись 1780-х гг. происходит из библиотеки К. И. Невоструева (коллекция рукописей РГБ, Ф.173.3, № 209).

«Разговор о пользе наук и училищ» – это манифест дворянского просветительства. Построено сочинение по тому же принципу, что и текст лубка, и состоит из 119 вопросов и ответов. Автор, беседующий с «приятелем», поднимает богословские, философские, исторические, политические, экономические и другие вопросы российской жизни XVIII в. Одним из ключевых убеждений Татищева является уверенность, что вся сила человека в разуме, знании, науке, что в диалогичной форме он и пытается доказать в пространных рассуждениях. С точки зрения ученого он объясняет природу души и Бога, рассматривает этические вопросы о добре и зле, справедливости, благоразумии и т. д.

Ключевым для нас, согласно выдвинутой гипотезе, является вопрос 48-й: «...по вашему же речению из суеверства расколы возрастают, то мною, что разность вер в государстве вред наносит» [7, с. 70]. В пространном ответе Татищев утверждает, что разные веры не вредят государствам, относя церковный раскол XVII в. не к религиозной, а к политической проблеме, считая его «бунтом»: «...в Москве раскольник великий плут, Никита Пустосвят именуемый, развеял в народе, якобы патриарх Никон старую веру отринул, а новую произнес, и оным такое великое смятение сделал, что весь подлой народ и стрельцы, надеясь на согласное с ними князя Хованского, с великим невежеством, пришед ко дворцу, просили патриарха Иоакима и всех епископов на суд к себе...» [7, с. 74–75].

Начиная со 104-го вопроса Татищев обращается к отличиям законов – естественного, божественного, церковного и гражданского. Вот как он рассуждает о браке: «Брак по закону естественному для примножения рода своего необходимо нужный, и сей между письменными есть первый закон...» [7, с. 143–144]. Примечательно, что автор лубка в лице крестьянина мыслит категориями ценности того или иного

качества, например, дружбы. На вопрос профессора «с какими бережливо поступать должно?», крестьянин отвечает «с дружеством ибо оно так как сосуд глиняной скоро теряется и редко возобновляется». В «Разговоре о пользе наук и училищ» на 96-й вопрос («коликыя правила в сохранении содружества имеем?») дается ответ именно о правилах сохранения дружбы: любовь, учтивость и пристойность [7, с. 132]. Мы не претендуем на полный сравнительный анализ текстов Татищева и автора лубка, но многие вопросы, поднимаемые историком, на наш взгляд, коротко и с едкой сатирой излагаются в тексте лубка «Разговор между профессором и крестьянином».

Если предположить, что источником вдохновения для автора лубка, возможно старообрядца, стало сочинение Татищева, то возникает справедливый вопрос, почему именно его произведение подверглось такой сатире? Ответом на него может стать биография Василия Никитича. Современники знали его как государственного деятеля, занимавшего высокие должности. Однако мы его знаем в качестве пионера отечественной истории. На основании древнерусских летописей, трудов античных и византийских историков, польских хроник, сочинений средневековых европейских и восточных авторов В. Н. Татищев пишет «Историю Российскую». Одним из летописных источников, использованных при написании, была так называемая Раскольниковья летопись. Согласно самому Татищеву, летопись он получил в 1721 г. в Сибири от старообрядца. Она представляла собой копию древней рукописи на пергаменте, закончивалась 1197 г. и содержала в заглавии имя Нестора.

В 1734 г. В. Н. Татищев, действительный тайный советник и кавалер, становится начальником горных казенных заводов Урала и Сибири. В этой должности он должен был следить, чтобы на заводах не принимали беглых и пришлых крестьян. Но парадокс заключается в том, что основная масса горнозаводских рабочих были именно беглые старообрядцы, бежавшие из центральной России на Урал от преследования за веру. 12 ноября 1735 г. вышел именной указ императрицы Анны Иоанновны, содержавший список жестких мер по «искоренению раскола» на Урале. В частности, В. Н. Татищеву предписывалось разорение уральских старообрядческих скитов, которое продолжалось вплоть до весны 1738 г. Поиск и арест

старообрядцев сопровождался конфискацией книг, икон и церковных сосудов [8].

Вероятно, отголоском этих печальных событий и послужило пристальное внимание старообрядцев к творчеству В. Н. Татищева. Среди бежавших на Урал староверов были иконописцы, создавшие целое направление в иконописи – невьянскую икону, а также положившие начало знаменитой нижнетагильской росписи на металле. Отсюда понятно, почему профессор и крестьянин с семействами, окружающая их обстановка, написаны в иконописном стиле.

Подведем итог сказанному. Искусствоведческий и текстологический анализ лубка выявил скрытую полемику представителя традиционной культуры (крестьянина) с культурой Нового времени (профессора), столкновение двух типов ментальности. Оттесненные императорским государством на периферию культурной жизни, не имея возможности открыто исповедовать свои убеждения и высказываться, старообрядцы создали альтернативную культуру. Так появился феномен старообрядческого лубка, к которому мы склонны отнести «Разговор между профессором и крестьянином».

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис: Прогресс, 1992. 270 с.
2. Кондаков И. В. Русская культура: краткий очерк истории и теории. Москва: Кн. Дом «Университет», 1999. 360 с.
3. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. 2-е изд. Москва: Мысль, 1995. 637 с.
4. Маслова Ю. В. Старообрядческий лубок как наглядная полемика и назидание в вере // Культурное наследие России. 2015. № 2 (9), апр.–июнь. С. 39–45.

5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси / АН СССР. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 204 с.

6. Аввакум. Как нужно жить в вере // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. [Москва]: Academia, 1934. С. 257–267.

7. Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ / с предисл. и указ. Н. Попова. Москва: Универс. тип., 1887. XXVI, 171 с.

8. Татищев В. Н. В. Н. Татищев о старообрядцах / публ. [и вступ. ст.]. В. Г. Бухерта // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альм. Москва: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1999. Т. 9. С. 34–35.

References

1. Lotman Yu. M. Culture and explosion. Moscow: Gnosis: Progress, 1992. 270 (in Russ.).
2. Kondakov I. V. Russian culture: a brief essay on history and theory. Moscow: Bk house «University», 1999. 360 (in Russ.).
3. Bychkov V. V. Russian medieval aesthetics of the XI–XVII centuries. 2nd ed. Moscow: Mysl', 1995. 637 (in Russ.).
4. Maslova Yu. V. Old Believer lubok as a visual controversy and edification in faith. Cultural Heritage of Russia. 2015. 2 (9), apr.–june. 39–45 (in Russ.).
5. Likhachev D. S., Panchenko A. M. «The laughter world» of Ancient Rus' / Acad. of Sciences of the USSR. Leningrad: Nauka, 1976. 204 (in Russ.).
6. Habakkuk. How to live in faith. Life of Archpriest Avvakum written by himself and his other writings. [Moscow]: Academia, 1934. 257–267 (in Russ.).
7. Tatischev V. N. Conversation about the benefits of sciences and schools / with preface. and decree. N. Popova. Moscow: Univers. type., 1887. XXVI, 171 (in Russ.).
8. Tatischev V. N.; V. G. Bukherta (publ., introductory art.) V. N. Tatischev about the Old Believers. Russian archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries: alm. Moscow: Studio TRITE: Russ. arch., 1999. 9, 34–35 (in Russ.).